

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1177-1188
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1177

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Idea of Life/Death in the Axiosphere of the Ancient Nomads of the Altai

Svetlana Ya. Shchebrova ^{a, *}

^aA.I. Herzen Russian State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The transition to nomadic animal husbandry, associated with the development of horse riding, began in Eurasia in the 1st millennium B.C. This led not only to economic, cultural and socio-political ties between the nomads of Eurasia and the peoples of the Ancient East, Eastern Mediterranean, Near and Middle Asia, but also to the need to protect cattle as “easily alienated wealth” (F. Engels). As a result, a complex technology of nomadic economy was developed, the value of which was represented by the art of the “animal style” – a special sign system expressing the ideology of the nomads. The sign system is most fully preserved in the barrows of the Pazyryk culture: the “royal” barrows of Tuekta, Bashadar and Pazyryk, the elite barrows of the Ukok and the barrows of ordinary nomads of Sailugem, Ulandryk and Yustyd. Since the funerary ritual on a symbolic level ensures subsequent rebirth, it is relevant to investigate the archaeological sources of the Altai Mountains as a text embodying socially significant information. The ensemble of signifying means located on the surface of the artefacts, connected with the whole sphere of nomadic activity, is represented by such concepts as “mound”, “sarcophagus deck”, “weapon”, “costume”, “body tattoo”, “horse harness”. In accordance with the accumulated experience of social interaction in the axiosphere of the Pazyryk culture two basic semantic systems were formed: “life” and “death”, on the basis of which a man understood the possibilities of his activity in the system of nomadic society. The theme of life and death emerged from observations of natural and climatic conditions, where destruction, extinction is a benign state after which the cycle of life is renewed. In the course of semiotic analysis of the system of status marking of a rider, his weapons and horse, referred to as the Scythian “animal style”, a relationship with the key concept in all Indo-European and Indo-Iranian ritualism “farn” was determined. This notion symbolises military fortune, share, destiny and is the value-motivational core of the Pazyryk culture.

Keywords: axiosphere, Mountain Altai, Pazyryk culture, animal style, life, death, ethnosophy.

1. Введение

К.-Г. Юнг считал культурные символы важными составляющими нашего ментального устройства и рассматривал их как жизненные силы в построении человеческого образа (Юнг, 2018: 96). В I тыс. до н.э. оригинальная знаковая система возникла на просторах Евразии, когда обитавшие здесь народы перешли к кочевому скотоводству. Положительной стороной этого типа хозяйства стали новые хозяйственные технологии, превратившие кочевое скотоводство в основу жизнедеятельности; отрицательной – гибель соплеменников при защите скота от грабительских уюнов.

Анализ курганных материалов скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии показал, что «война и военная организация общества получили широкое развитие в жизни ранних кочевников» (Грач, 1975: 158-182). В I тыс. до н.э. без вооруженной охраны скота кочевое общество не могло выжить, поэтому освоение военного дела стало насущной необходимостью, как и универсальная эстетизация всей предметной среды (Каган, 2003: 175-176). Изображениями в «зверином стиле» были декорированы все вещи кочевников, прежде всего воинские костюмы,

* Corresponding author

E-mail addresses: svetlanaschebrova@herzen.spb.ru (S.Ya. Shchebrova)

оружие, конские сбруи. Эта специфическая образная система, именуемая «скифской триадой», наиболее полно сохранилась в пазырыкской культуре (VI–II вв. до н.э., Горный Алтай).

Сюжеты и образы искусства «звериного стиля» актуальны для исследования, поскольку составляют основу культуры Евразии. Цель статьи заключается в изучении искусства «звериного стиля» как семиотической системы, воплотившей представления о жизни и смерти древних кочевников Алтая. Достижению цели способствует решение следующих задач:

- выявить особенности представлений о структуре мира в пространственном размещении и архитектурном устройстве курганов;
- исследовать погребальный ритуал как текст пазырыкской культуры;
- изучить сюжеты искусства «звериного стиля», иллюстрирующие завершение жизненного цикла;
- определить влияние культуры древних кочевников Алтая на менталитет народов нашей страны.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы археологических раскопок «царских» курганов Туэкта-1, Туэкта-2, Башадар-1, Башадар-2 (Руденко, 1960), Пазырык-1, Пазырык-2, Пазырык-3, Пазырык-4, Пазырык-5 (Руденко, 1953), элитных курганов Укока №№ 1–2 могильника Ак-Алаха–1, кургана № 1 могильника Ак-Алаха–3, кургана Кутургунтас, а также рядовых курганов № 1–5 могильника Ак-Алаха–5 (Полосьмак, 2001). Артефакты из курганов знати при сравнении с артефактами из рядовых курганов Сайлюгема, Уландрыка и Юстыда (Кубарев, 1992; Кубарев, 1987; Кубарев, 1991) отличаются только богатством материала: это шелк, соболь, горностаи и большее количество золотой фольги. Для мужчин, женщин и детей покроей одежды был одинаков; различны были только размеры и комплекс нашивавшихся на одежду и головные уборы изображений. Такой комплекс составляет суть статусной трансформации одежды в костюм, дававший важную в условиях военно-кочевого быта видимую предварительную внешнюю характеристику человека (Полосьмак, 1994: 42). Наличие в погребениях одинаковых по форме вещей из кожи, шерсти и войлока, копирование сюжетов и образов звериного стиля, в том числе на детских костюмах из рядовых захоронений, означает, что идеи кочевой элиты были восприняты всем обществом.

Методологической базой настоящей работы является системный подход, согласно которому артефакты пазырыкской культуры рассматриваются в целостном единстве всех компонентов материальной, духовной и художественной культуры. С позиций герменевтического подхода пазырыкское искусство изучено как «текст», развивавшийся в соответствии с социальными запросами общества древних кочевников Алтая. Метод семиотического анализа использован для выявления знаково-символического словаря пазырыкской культуры, определения круга автохтонных и заимствованных образов (кодов), с помощью которого формировались артефактные концепты и задавались символические параметры универсалий, мотивировавших поведение человека. Этнософский метод применен для выявления мифологем и кодирующих программ, а также осмысления картины мира кочевников.

3. Обсуждение

Краткая, но исчерпывающая характеристика работ, опубликованных по этнософии, осуществлена А.В. Малиновым. Он определил, что термин «этнософия», предложенный еще в 1926 г. основоположником евразийства С.Н. Трубецким, развит в зарубежных трудах М. Херсковицем, а в современных российских – В.Р. Арсеньевым, М.Н. Эпштейном, В.В. Ванчуговым и др. (Малинов, 2013: 155–162). Для этнософии, исследующей развитие различных сторон культур, открыто широкое поле исследования пазырыкской культуры.

Несмотря на то, что в XIX в. методика археологических раскопок только начинала разрабатываться, первые археологи определяли культуру кочевников Алтая как воинскую.

Находки оружия (наконечники от стрел) считал важнейшим признаком воинских погребений археолог-любитель Г.И. Спасский, работавший на Алтае в первой половине XIX в. (Спасский, 1817: 14). К особенностям древней культуры Алтая он относил курганы, деревянные срубы из лиственниц, монументы с антропоморфными и зооморфными изображениями. В процессе изучения петроглифов Спасский сделал вывод о единстве культуры древних скотоводов Алтая и Саянских степей, о кочевом образе жизни их создателей (Спасский, 1857: 156).

Первые научные археологические раскопки в горах Алтая во второй половине XIX века проводились востоковедом-тюркологом В.В. Радловым. Под его руководством на протяжении 1863–1869 гг. было раскопано около 150 курганов с целью выявления особенностей погребального обряда. В Горном Алтае в 1865 г. Радлов вел раскопки Большого Катандинского кургана и Большого Берельского кургана (теперь относящегося к Восточному Казахстану). Радлов первым обратил внимание на курганную мерзлоту, способствовавшую сохранению вещей из органических материалов: шелка, шерсти, кожи, войлока, бересты, рога, дерева. В результате анализа материалов раскопок Радлов определил типологические черты культуры древних скотоводов Алтая (в XX в.

получившей название пазырыкская): курганы с каменной наброской, погребения лошадей в северной части кургана, погребальные срубы, накрытые берестяными полотнищами, колоды из лиственницы, оружие, изображения животных и птиц. На основании находок оружия в курганах он предположил воинственность типичной чертой культуры населения степных районов Евразии и Алтая в I тыс. до н.э. (Радлов, 1894: 186-188; Радлов, 1989: 198, 204). Характеристика культуры древних скотоводов Алтая, сделанная Радловым, сохраняет актуальность и в наши дни.

В XX в. на основе обширных археологических исследований был подтвержден военный характер пазырыкской культуры. Поскольку формат статьи не предполагает перечисление всех трудов на эту тему, ограничимся характеристикой основных групп научных работ и наиболее информативных исследований.

В первую группу включим труды, посвященные выявлению роли древних кочевников Алтая в системе военно-кочевого мира Евразии и военного дела Южной Сибири I тыс. до н.э. (Грач, 1975; Гуляев, 2005; Кляшторный, Савинов, 2005; Борисенко, Худяков, 2003: 22-24).

Работы, посвященные исследованию военной культуры древних кочевников Алтая, составляют вторую группу. Поскольку их количество достаточно обширно, выделим внутри этой группы следующие смысловые подгруппы:

- изучение вооружения древних кочевников Алтая (Горбунов, 1998: 47-55; Кубарев, 1981: 29-54);
- характеристика военного дела кочевого общества Алтая (Дашковский, 2005; Кочеев, 1990: 105-118);
- исследования воинского погребального обряда (Ю.Ф. Кирюшин, 2003; Шульга, 2003: 191-194);
- работы, посвященные изучению воинского костюма (Добжанский, 1990; Полосьмак, Баркова, 2005);
- работы, выявляющие эстетизацию воинской доблести в искусстве и героическом эпосе (Переводчикова, 1994; Суразаков, 1987: 53-59). Культурологическое осмысление уникальных артефактов, сохранившихся в «царских» Башадарских, Туэктинских, Пазырыкских курганах, элитных Укокских и рядовых курганах Сайлюгема, Юстыда и Уландрыка, позволило определить тип культуры древних кочевников Алтая как военно-кочевой. Его особенностью была ориентация на войну как специфический порядок мироустройства.

4. Результаты

Война не обходится без смертей, но именно отношение к смерти «является индикатором характера цивилизации, ее мировоззрения» (Гуревич, 1992: 5-6). Взаимосвязь между доминирующими в данном обществе установками в отношении к смерти и самосознанием личности, типичной для данного общества, объясняется тем, что желания и грезы, исходящие из глубины существа человека, выражаются в определенной системе знаков, отбираемых каждой эпохой в соответствии с тенденциями коллективного поведения (Арьес, 1992: 112). Для древних кочевников Алтая смерть была оборотной стороной жизни, поэтому не случайно погребальный обряд мог восприниматься как обмен между миром живых и миром мертвых, происходящий во время обрядов инициации или в сакральных местах, где «кипела» жизнь (Кетова, 2001: 34-36). Такими сакральными местами для горноалтайских кочевников были курганы и сооружаемые рядом с местом погребения восьмикаменные кольцевые выкладки, каменные насыпи овальной формы, балбалы и кенотафы (Илюшин, 1989: 79-81). Близкое расположение могил предков к территории кочевья могло означать, что сакральные места воспринимались как место перехода из мира живых в мир мертвых. Подобное «пересечение» в пространстве «мира живых» и «мира мертвых» соответствовало древним поверьям, что ушедшие в иной мир охраняют территорию рода и способствуют рождающей силе земли (Рязанцев, 1994: 134).

Курганы кочевники возводили на возвышенностях и горных плато рядом с рекой и территорией родового кочевья. Размещение курганных полей рядом с водой могло быть связано с представлениями о фарне – особой сущности Вселенной, наделяющей мир божественной энергией. Она может восприниматься как «свет», «солнце», «слава», «благо», «добрый дух» и т.д. (Мифы..., 1988: 557). Символику и сущность фарна на материале осетинской свадебной обрядности изучал в XIX в. В.Ф. Миллер (Миллер, 1886: 232-283). В XX в. Б.А. Литвинский определил цепочку инкарнаций фарна – от космического огня до орнитоморфных, зооморфных и антропоморфных образов, включая коня и воина-всадника, а также зафиксировал поверье, что душа отлетает в образе хищной птицы (Литвинский, 1968: 70). Многозначное понятие «фарн» В.Ю. Михайлин связывает прежде всего с представлениями о воинской удаче, доле, судьбе (Михайлин, 2005: 28).

Широко представлены образы фарна в пазырыкской культуре (Щеброва, 2019: 181-198). Например, в Большом Катандинском кургане, сооруженном для воина-вождя, были обнаружены Радловым деревянные фигурки двух лошадок с золотыми полосками на копытах, причем одна лошадка увенчана птичьей головой с резко изогнутым клювом. Позолоченные копыта явно «указывают» на небесную сущность лошадок, особенно птичья голова лошадки-фарна, уносящего душу в заоблачные выси. В этом же кургане есть чашеобразный предмет, на дне которого изображены переплетенные друг с другом туловища вытянутых тигров с птичьими головами на кончиках хвостов

(Гаврилов, 2013). Стилизованные или реалистические головы хищных птиц, «прорастающие» из рогов или хвостов зверей, явно символизируют фарн – переносчика души в иной мир.

Не менее интересны прикрепленные на четырех углах колоды-саркофага из Большого Берельского кургана бронзовые хищные птицы с рогом, большими ушами копытного животного и лошадиными глазами. Если учесть, что в алтайском шаманизме так представляли доброго духа Суилу – беркута с лошадиными глазами (Сорокин, 1978: 184-185), то в погребальной обрядности пазырыкской культуры это может означать только фарна.

Скрытый в глубине вод фарн является дарителем победы, неизбежности верховной власти, счастья, судьбы, сияющего сакрального начала, божественного огня и солнечного света (Мифы..., 1988: 557). С культом солнца связан культ огня, выявленный В.Д. Кубаревым на археологических материалах Алтая скифского времени. В ходе исследований поминальных выкладок курганов Юстыда ученым были обнаружены следы кострищ и обгоревшие кости жертвенных животных, а также могильные ямы с прокаленными огнем стенками и обугленными покрытиями срубов погребальных камер (Кубарев, 1991: 25).

Аналогом глади водной поверхности, отражающей солнечные лучи, является зеркало. В зависимости от статуса кочевника хоронили с бронзовым или серебряным зеркалом, как местной, так и китайской работы (Горбунов и др., 2019: 251). Сложная символика зеркала восходит к идее двойника – «зримого эха», воспринимаемая как дверь, через которую осуществляется переход в иной мир (Энциклопедия символов, 2002: 196). В обрядах перехода – и свадебном, и погребальном – зеркала несут особую семантическую нагрузку. В китайской культуре воин, идущий в сражение, или новобрачная, которую везли к ее супругу, помещали на своей груди зеркало, открытое Солнцу (Руденко, 1953: 145), что явно связано с желанием «уловить» удачу/счастье/фарн. В пазырыкских курганах зеркала либо перевернуты на груди покойных, либо спрятаны в специально сшитые чехлы, чтобы закрыть выход солнечному лучу-фарну. Эта традиция сохранения семейного фарна-хранителя, несмотря на забвение первоначального смысла, строго соблюдается в современной культуре: в доме, где есть покойник, обязательно завешиваются зеркала.

Наряду с зеркалом, в погребениях горноалтайских кочевников часто встречаются зеркально-симметричные композиции. Таковы кожаные аппликации в виде сдвоенных фигурок петухов на колоде-саркофаге из Первого Пазырыкского кургана. Деревянное украшение упряжи из Первого Туэктинского кургана вырезано в виде двух профильных фигурок грифонов, увенчанных одной головой анфас. С древности образ петуха в Китае символизировал удачную судьбу, а грифон в Древней Месопотамии считался хранителем золота (Тресиддер, 1999: 66), что также связано с представлениями о фарне. Зеркально-симметричные композиции могут символизировать одновременное присутствие этой неуловимой сущности на «этом» и «том» свете.

Выдающихся воинов-вождей, способствующих возвращению общества к нормальной жизни после смерти соплеменников (Акишев, 1981: 54-64), можно назвать носителями «фарна». В пазырыкской культуре был разработан ритуал подготовки воина-вождя к погребению, включавший расчленение его тела перед бальзамированием и извлечение мышц. Затем кости скреплялись, очищенная от внутренностей полость живота набивалась овечьей шерстью, конским волосом, корешками растений и травой, что в культуре скотоводческих народов означало магическое возобновление жизни, увеличение плодородия и богатства (Полосьмак, 2000: 70). Нарезанные на куски мышцы варились вместе с мясом жертвенных животных, а затем поедались всем племенем, чтобы получить частицу сверхъестественной силы этого человека (Руденко, 1953: 331). Так обеспечивалось возрождение жизни, черпающей силы в смерти, с ней связанной и смертью очищающейся (Шульга, 1999: 217-238). Ритуальный каннибализм трансформировался в христианстве в обряд причащения «телом и кровью Христовой», а также в обряд чудесного исцеления больных, прикоснувшихся к святым мощам, иконам, а в эпоху Средневековья – к правителю государства.

Одежды носителей фарна обильно украшались золотом. К сожалению, в Горном Алтае все царские курганы были ограблены, поэтому сложно определить конфигурацию золотых нашивок. Тем не менее все великолепие убранства воина-фарна можно представить на примере парного погребения, обнаруженного в 2000–2003 гг. в царском кургане Аржан-2 в Республике Тыва. Золотые бляшки в виде фигурок пантер были нашиты в форме языков пламени на женской и мужской куртках, сшитых из красной шерстяной ткани. О популярности символики огня-фарна можно судить по Второму Башадарскому кургану, где сохранились девятнадцать подвесок в виде языков пламени, прикрепленных к конскому седлу.

Особым манипуляциям подвергались кони, приносившиеся в жертву знатным покойным. Эти кони обряжались в парадные уборы со сложными головными наверхами, наглазниками и погребальными масками. Ударом чекана в голову коней убивали и укладывали в конский отсек, примыкавший к северной части погребальной камеры. Кроме жертвенных коней, символически влекущих «повозки смерти», статусным покойным полагались рубленые из листовенницы колоды-саркофаги, напоминающие огромных рыб, в чреве которых умерший «уплывал» в потусторонний мир (Савинов, 1995: 6-8). Рядом помещали зооморфные символы фарна: художественно

оформленные фигурки барана, козла, вепря, коня, «охранявших» умершего и «помогавших» ему в загробной жизни.

Само же превращение живого тела в мертвое можно видеть в искусстве «звериного стиля», зафиксировавшем три стадии перехода в иной мир задолго до появления современной биоэтики, поставившей вопрос о критериях определения момента смерти.

Доктор Елизавета Кюблер-Росс (Чикаго, США), создавшая школу в области науки, изучающей смерть, описывала пять стадий умирания человека (которые не всегда идут строго одна за другой): отрицание и неприятие; гнев и возмущение; просьба об отсрочке; депрессия, когда человек готов принять смерть; последняя стадия – принятие, спокойствие (Калиновский, 2013: 161-162). Швейцарский геолог Альберт Хейм, ставший свидетелем трагедии в Альпах в 1892 г. и пытавшийся спасти пострадавших, определил три фазы умирания. Первой из них является фаза отчаянного сопротивления смерти; во время второй фазы осознается бесплодность борьбы и наступает смирение с неизбежностью смерти, после чего следует фаза отрешенности, мистического состояния, когда перестает испытываться страдание и наступает покой и умиротворение (Уотсон, 1991: 251-253).

Отражением первой стадии в пазырыкском искусстве являются сцены борьбы хищников и копытных, чаще всего встречающиеся на седельных покрывках. Это сцены нападения тигра на лося, тигра на оленя, тигра на барана, барса на горного барана, грифа на лося. Во всех этих композициях изображено яростное сопротивление копытного свирепому хищнику: голова и передняя часть туловища вскинута в стремительном рывке к небу, активно двигаются передние ноги в попытке нанести мощный удар противнику. И только неестественно вывернутый круп животного, означающий перелом позвоночника, свидетельствует о близящемся конце отчаянного сопротивления.

Рис. 1. Первая стадия: яростное сопротивление (По Руденко, 1953: Табл. СХІ)

Цветовая символика не оставляет сомнений в смертельном финале этой борьбы. Нападающий хищник имеет реалистичную «жизненную» окраску желтого или коричневого цвета. Головы и копыта отчаянно борющихся оленей украшены золотыми листками, высунутый язык барана, рог и точка с полуподковкой на туловище выкрашены в красный цвет. Красный и золотой цвета в данной композиции означают присутствие жизненной силы, однако оловянная фольга, покрывающая фигурки копытных, свидетельствует о смертельном исходе неравной борьбы. Цвета изображений ассоциируются с востоком и западом, рассветом и закатом, символизируя равенство сил жизни и смерти. Современные данные исследований показывают, что тело умирает только тогда, когда его покидает дух (Евдокас, 2010). Это понимали древние кочевники Алтая, демонстрируя в искусстве звериного стиля необходимость яростного сопротивления смерти.

Стадия смирения с неизбежной смертью может быть проиллюстрирована на примере деревянного налобника узды из Второго Пазырыкского кургана. Львиный грифон держит в пасти шею двух гусей. Схваченные гуси не оказывают сопротивления: крылья сложены на спине, шеи свернуты, лапы вытянуты вниз. Вертикальное направление и симметричная композиция подчеркивают отсутствие какого-либо движения. Между тем безвольно обвисших тел копытных в когтях хищников мы никогда не видим: животные всегда показаны в движении, в борьбе, энергия которой ощущается спустя тысячелетия и вызывает ответный отклик в душе.

Рис. 2. Стадия смирения со смертью (По Руденко, 1953: Табл. С)

В изображении гусей в пасти грифона все свидетельствует о том, что жизнь проиграна и смерть накрепко вцепилась в тело. То, что для образа смерти выбраны гуси, можно объяснить несколькими причинами. Согласно древним поверьям, душу умершего уносили птицы на Млечный путь, считавшийся Гусиной дорогой (Тульцева, 1998: 84-87). Близость фарна воде подчеркивалась изображением именно водоплавающей птицы. Возможно, идея исчезновения фарна передавалась изображением неподвижно-тяжелых мертвых птиц, зеркально-симметричное раздвоение которых на конском налобнике означало ничто как абсолютное уравнивание сил жизни и смерти.

Иллюстрацией стадии мистического состояния, когда перестает испытываться страдание и душа переходит в иной мир, может служить уздечная подвеска из Первого Пазырыкского кургана. Она представляет статичную сцену терзания в виде головы барана в пасти волка.

Рис. 3. Стадия мистического состояния (По Руденко, 1960: 295, рис. 150, в)

Покой и умиротворение передаются несколькими лаконичными штрихами: глаза и ноздри барана расположены строго по горизонтальным линиям, прорезанным от носа и закрытого рта животного. Кроме этого, есть ощущение скрытого движения, изменения, «размыкания» статики композиции, создающее позитивные эмоции. Источником этого движения являются подшейная гривка и рог барана, объединенные в почти правильную окружность-спираль, «движущуюся» по часовой стрелке. Началом окружности служат короткие завитки гривки, заканчивающейся на том же уровне под головой животного, где закручивается спираль рога. Окружность рога повторяет траекторию полуокружности-гривки и заканчивается острым концом спирали на уровне уха животного. Параллельно бараньей голове расположена голова хищника, что служит наглядным подтверждением отсутствия борьбы. Но при взгляде на эту композицию нет ощущения трагизма смерти, скорее, это освобождение от страданий.

Автохтонный пласт культуры древних кочевников Алтая воплощал ценности аржаномайэмирской культуры, тесно связанной с горно-таежными племенами и охотничьим образом жизни. В VI в. до н.э. он представлен мирными образами водоплавающих птиц, безрогих лосих, баранов, козлов, волков, барсов и рыб. С появлением на Алтае пришлой ираноязычной элиты утвердился военно-кочевой образ жизни, ценности которого транслировало искусство звериного стиля, поэтизовавшее борьбу за расширение территории, грабежи оседлых племен и настраивающее на героическую смерть. В V в. до н.э. рыбы активно заглатывают добычу, копытные активно обороняются от хищников с помощью огромных рогов и мощных копыт, всеми силами защищая жизнь, – главную ценность пазырыкской культуры.

Смерть предстает оборотной стороной жизни, поскольку вооруженная борьба за скот сопряжена с гибелью кочевников. Сооружая курганы для выдающихся представителей кочевого общества, кочевое общество демонстрировало сплоченность, готовность последовать примеру соплеменников, жертвующих собой во имя жизни остальных. Обоснованием жертвенности служило искусство звериного стиля, воплощавшее идею единства жизни и смерти.

Интересно, что главные этапы современного похоронного ритуала в основном повторяют скифский. За 2,5 тыс. лет технологии манипуляций с телами покойных изменились, но церемония прощания, демонстрация наград, выбор престижного места для могилы, памятник и количество участников похорон дают исчерпывающую характеристику статуса усопшего.

5. Заключение

Изучив пазырыкские артефакты как «тексты», можно сделать вывод о воинственном характере этого древнего народа, о специфических механизмах культивирования воинственности и социокультурных программах, определявших порядок социальной коммуникации. Их образным языком (кодом) было искусство звериного стиля, на основе которого формировались концепты пазырыкской культуры. Это знаково-символический ансамбль («курган», «колода-саркофаг», «конский убор», «костюм», «татуировка тел»), в основе семантики которого скрыты ценности, интегрирующие сообщество. Система универсалий пазырыкской культуры мотивировала кочевников на защиту скота, без которого была невозможна жизнь. В соответствии с накопленным опытом социального взаимодействия в семиосфере пазырыкской культуры сформировались две основные смысловые системы: «жизнь» и «смерть», на основе которых человек понимал возможности своей деятельности в системе кочевого общества.

Древние кочевники умели любить и ценить жизнь во всех ее проявлениях, внимательно относились к состоянию конкретного человека, особенно тяжело больного, помогая в самые тяжелые мгновения. Стойкость и мужество, презрение опасности, предпочтение смерти предательству, бескомпромиссность наши соотечественники унаследовали от своих далеких предков, осваивавших просторы степной Евразии. Мифологемы жизни и смерти, культ гор, белых и черных озер, фарнаудачи в образе барана и хищной птицы известны в алтайской традиционной культуре (охотничьей и свадебной обрядности). Ценность природы, жизни, материнства, побратимства вошли в эпические сказания «Маадай-Кара», «Кан-Алтын», «Очи-бала», «Алтай-Буучай», «Алтын-Бизе», сказки о животных. Отголосками единства представлений о сущности Жизни и Смерти являются куклы-эмегендэры алтайцев, ставшие покровителями женщин, куклы в шаманских мистериях сибирских народов, в современном свадебном обряде, при закладке нового дома у коми-пермяков.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-18-00018.

The reported study was funded by RSF, project number 22-18-00018.

Литература

- Акишев, 1981** – Акишев А.К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 54-64.
- Арьес, 1991** – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Борисенко, Худяков, 2003** – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних кочевников Центральной Азии // *Степи Евразии в древности и средневековье* / Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 22-24.
- Гаврилов, 2013** – Гаврилов Е. Раскопки Радлова у Катанды в 1865 г. 1 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/407-raskopki-radlova-u-katandy-1865-g> (дата обращения 14.05.2022).
- Горбунов, 1998** – Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных статей / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. С. 47-55.
- Горбунов и др., 2019** – Горбунов В.В., Грушин С.П., Дашковский П.К. История Алтая: исторический очерк: В 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха. Древность и средневековье / Под общей редакцией А.А. Тишкина. Барнаул, 2019. 391 с.
- Грач, 1975** – Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии: [Сборник статей] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; [Отв. ред. А.М. Решетов, Ч.М. Таксами]. М.: Наука, 1975. С. 158-182.
- Гуляев, 2005** – Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2005. 400 с.
- Гуревич, 1992** – Гуревич А.Я. Предисловие // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 5-6.

Дашковский, 2005 – Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 239-246.

Добжанский, 1990 – Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1990. 164 с.

Евдокас, 2010 – Евдокас Т. Смерть – великая иллюзия / Такис Евдокас; [пер. с нем. А.А. Горяниной]. СПб.: Весь, 2010. 189 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/28189/ogl.shtml> (дата обращения 15.05.2022).

Илюшин, 1989 – Илюшин А.М. Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в скифское время / Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Часть 1. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1989. С. 79-81.

Каган, 2003 – Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1: Историографический очерк и проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа – от первобытности к Возрождению. СПб.: Петрополис, 2003. 368 с.

Калиновский, 2013 – Калиновский П.П. Переход: последняя болезнь, смерть и после. М.: ООО «Воздвиженье», 2013. 256 с.

Кетова, 2001 – Кетова Т.Н. Ритуал в пространстве жизни и смерти // Ритуальное пространство культуры / Материалы международного форума 26 февраля – 7 марта 2001 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 34-36.

Кирюшин, 2003 – Кирюшин Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. 234 с.

Кляшторный, Савинов, 2005 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кочеев, 1990 – Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 105-118.

Кубарев, 1981 – Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1981. С. 29-54.

Кубарев, 1992 – Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. 220 с.

Кубарев, 1987 – Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 300 с.

Кубарев, 1991 – Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 190 с.

Литвинский, 1968 – Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн: К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1968. 119 с.

Малинов, 2013 – Малинов А.В. На пути к этнософии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2013. № 4 (184). С. 155-162.

Миллер, 1886 – Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Отг. из «Журнала Министерства народного просвещения». 1886 г., ч. 247, окт., отд. 2. СПб.: [Б.и.], 1886, октябрь. С. 232-283.

Мифы..., 1988 – Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская Энциклопедия», 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.

Михайлин, 2005 – Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 540 с.

Переводчикова, 1994 – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.

Полосьмак, 2000 – Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. Сб. статей. М.: Институт археологии РАН, 2000. 318 с.

Полосьмак, 2001 – Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Полосьмак, 1994 – Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.

Полосьмак, Баркова, 2005 – Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника): [Пер. с нем.]. [Примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая]. М.: Наука, 1989. 749 с.

Радлов, 1894 – Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок В.В. Радлова: (Перевод с немецкого) // Записки императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. VII, вып. 3–4. СПб.: [Б. и.], 1894. С. 186-188.

- Руденко, 1953** – Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко, 1960** – Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 359 с.
- Рязанцев, 1994** – Рязанцев С. Философия смерти. СПб.: СПИКС, 1994. 320 с.
- Савинов, 1995** – Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер больших Пазырыкских курганов / *Сакральное в культуре. Материалы III международных Санкт-Петербургских религиозно-этнографических чтений*. Ноябрь 1995. СПб.: [Б.и.], 1995. С. 6-8.
- Сорокин, 1978** – Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Алтая / *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Л.: Аврора, 1978. С. 172-191.
- Спасский, 1857** – Спасский Г.И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. 8 разв. л. ил. Отт. Из Записок имп. Русского Географического о-ва, 1857, кн. 12. СПб.: [Б.И.], 1857. С. 113-181.
- Спасский, 1817** – Спасский Г.И. О сибирских древних курганах (Читано в собрании С.П.бургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 13 сентября 1817). (Отт. Из журн. Сын Отечества, 1817. Ч. 41, № 39. С. 9-22).
- Суразаков, 1987** – Суразаков А.С. О некоторых связанных с оружием образах пазырыкского искусства // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск, 1987. С. 53-59.
- Тресиддер, 1999** – Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Тульцева, 1998** – Тульцева Л. Семь свечей «Утра стрелецкой казни» // *Родина: Ежемес. обществ.-полит., науч.-попул. ил. журн.* М.: Правда, 1998. № 2. С. 84-87.
- Уотсон, 1991** – Уотсон Л. Ошибка Ромео // *Жизнь земная и последующая* / Сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 207-375.
- Шульга, 1999** – Шульга Е.Н. Идея смерти в миропонимании русского народа / *Идея смерти в российском менталитете* / Под ред. Ю.В. Хен. СПб.: РХГИ, 1999. С. 217-238.
- Шульга, 2003** – Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры / *Степи Евразии в древности и средневековье* / Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 191-194.
- Щеброва, 2019** – Щеброва С.Я. Размышления о феномене «звериного стиля» древних кочевников Алтая // *Перспективы исторической и региональной культурологии в современной России: Сборник научных статей*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 276 с. С. 181-198.
- Энциклопедия символов, 2002** – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»; МИФ: ООО «Издательство АСТ», 2002. 556 с.
- Юнг, 2018** – Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Канон+, 2018. 336 с.

References

- Akischev, 1981** – Akishev, A.K. (1981). Kostyum «zolotogo cheloveka» i problema katafraktariya [The «golden man» costume and the cataphractarian problem]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Nauka. Pp. 54-64. [in Russian]
- Ar'es, 1991** – Ar'es, F. (1991). Chelovek pered litsom smerti [A man facing death]: Per. s fr. Obshch. red. Obolenskoj S.V.; Predisl. Gurevicha A.Ya. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Progress-Akademiya», 528 p. [in Russian]
- Borisenko, Khudyakov, 2003** – Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. (2003). Funktsional'nyi analiz metallicheskih zashchitnykh nagolovii drevnikh nomadov Tsentral'noi Azii [Functional analysis of metal protection heads of the ancient nomads of Central Asia]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova*. Kn. 2. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. Pp. 22-24. [in Russian]
- Gavrilov, 2013** – Gavrilov, E. (2013). Raskopki Radlova u Katandy v 1865 g. 1 sentyabrya 2013 g. [Radloff's excavations at Katanda in 1865. 1 September 2013]. [Electronic resource]. URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/407-raskopki-radlova-u-katandy-v-1865-g> (date of access: 14.05.2022). [in Russian]
- Gorbunov, 1998** – Gorbunov, V.V. (1998). Pantsiri rannego zheleznoogo veka na Altae [Early Iron Age shells in the Altai]. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii: Sbornik nauchnykh statei*. Pod red. Yu.F. Kiryushina i A.A. Tishkina. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 47-55. [in Russian]
- Gorbunov i dr., 2019** – Gorbunov, V.V., Grushin, S.P., Dashkovskii, P.K. (2019). Istoriya Altaya: istoricheskii ocherk [History of Altai: historical essay]: V 3-kh t. T. 1: Drevneishaya epokha. Drevnost' i srednevekov'e. Pod obshechei redaktsiei A.A. Tishkina. Barnaul, 391 p. [in Russian]
- Grach, 1975** – Grach, A.D. (1975). Printsipy i metodika istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii form sotsial'nogo stroya (po kurgannym materialam skifskogo vremeni Kazakhstana, Sibiri i Tsentral'noi Azii)

[Principles and methodology for historical and archaeological reconstruction of forms of social structure]. *Sotsial'naya istoriya narodov Azii*: [Sbornik statei]. AN SSSR, In-t etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya; [Otv. red. A.M. Reshetov, Ch.M. Taksami]. M.: Nauka. Pp. 158-182. [in Russian]

Gulyaev, 2005 – *Gulyaev, V.I.* (2005). Skify: rastsvet i padenie velikogo tsarstva [The Scythians: the rise and fall of a great kingdom]. M.: Aleteia, 400 p. [in Russian]

Gurevich, 1992 – *Gurevich, A.Ya.* (1992). Predislovie [Foreword]. Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti: Per. s fr. Obshch. red. Obolenskoï S.V.; Predisl. Gurevicha A.Ya. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Progress-Akademiya». Pp. 5-6. [in Russian]

Dashkovskii, 2005 – *Dashkovskii, P.K.* (2005). Formirovanie elity kochevnikov Gornogo Altaya v skifskuyu epokhu [Formation of the nomadic elite of the Altai Mountains in the Scythian era]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: Sbornik nauchnykh trudov*. Pod red. A.V. Kharinskogo. Irkutsk: Izd-vo IrGTU. Ch. 1. Pp. 239-246. [in Russian]

Dobzhanskii, 1990 – *Dobzhanskii, V.N.* (1990). Nabornye poyasa kochevnikov Azii [The recruitment belts of Asia's nomads]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 164 p. [in Russian]

Evdokas, 2010 – *Evdokas, T.* (2010). Smert' – velikaya illyuziya [Death is a great illusion]. Takis Evdokas; [per. s nem. A.A. Goryaninnoi]. SPb.: Ves', 189 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/28189/ogl.shtml> (date of access: 15.05.2022). [in Russian]

Ilyushin, 1989 – *Ilyushin, A.M.* (1989). Kompleks kul'tovykh sooruzhenii u kochevnikov Gornogo Altaya v skifskoe vremya [A complex of religious buildings among the nomads of the Altai Mountains in Scythian times]. *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya). Tezisy Vsesoyuznoi arkheologicheskoi konferentsii*. Chast' 1. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 79-81. [in Russian]

Kagan, 2003 – *Kagan, M.S.* (2003). Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury [Introduction to the History of World Culture]. Kn. 1: Istoriograficheskii ocherk i problemy sovremennoi metodologii. Zakonomernosti kul'turogeneza, etapy razvitiya kul'tury traditsionnogo tipa – ot pervobytnosti k Vozrozhdeniyu. SPb.: Petropolis, 368 p. [in Russian]

Kalinovskii, 2013 – *Kalinovskii, P.P.* (2013). Perekhod: poslednyaya bolezni', smert' i posle [Transition: final illness, death and beyond]. M.: OOO «Vozdvizhen'e», 256 p. [in Russian]

Ketova, 2001 – *Ketova, T.N.* (2001). Ritual v prostranstve zhizni i smerti [Ritual in the space of life and death]. *Ritual'noe prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo foruma 26 fevralya – 7 marta 2001 g.* SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. Pp. 34-36. [in Russian]

Kiryushin, 2003 – *Kiryushin, Yu.F.* (2003). Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazryrskoi kul'tury [The Scythian era of the Altai Mountains Part II: Burial and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Yu.F. Kiryushin, N.F. Stepanova, A.A. Tishkin. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 234 p. [in Russian]

Klyashtornyi, Savinov, 2005 – *Klyashtornyi, S.G., Savinov, D.G.* (2005). Stepnye imperii drevnei Evrazii [The steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 346 p. [in Russian]

Kocheev, 1990 – *Kocheev, V.A.* (1990). Voiny pazryrskogo obshchestva [Warriors of Pazyryk society]. *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya*. Gorno-Altaysk: GANIYYaL. Pp. 105-118. [in Russian]

Kubarev, 1981 – *Kubarev, V.D.* (1981). Kinzhaly iz Gornogo Altaya [Daggers from the Altai Mountains]. *Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azi*. Otv. red. Yu.S. Khudyakov. Novosibirsk: «Nauka», Sibirskoe otdelenie. Pp. 29-54. [in Russian]

Kubarev, 1992 – *Kubarev, V.D.* (1992). Kurgany Sailyugema [Sailugem Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 220 p. [in Russian]

Kubarev, 1987 – *Kubarev, V.D.* (1987). Kurgany Ulandryka [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 300 p. [in Russian]

Kubarev, 1991 – *Kubarev, V.D.* (1991). Kurgany Yustyda [Yustyd Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 190 p. [in Russian]

Litvinskii, 1968 – *Litvinskii, B.A.* (1968). Kangyuisko-sarmatskii farn: K istoriko-kul'turnym svyazyam plemen Yuzhnoi Rossii i Srednei Azii [The Kangyu-Sarmatian Farn: Towards Historical and Cultural Connections between the Tribes of Southern Russia and Central Asia]. Dushanbe: Donish, 119 p. [in Russian]

Malinov, 2013 – *Malinov, A.V.* (2013). Na puti k etnosofii [Towards ethnosophy]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 4(184): 155-162. [in Russian]

Miller, 1886 – *Miller, V.F.* (1886). Epigraficheskie sledy iranstva na yuge Rossii [Epigraphic traces of Iranianism in southern Russia]. Ott. iz «Zhurnala Ministerstva narodnogo prosveshcheniya». ch. 247, okt., otd. 2. SPb.: [B.i.], 1886, oktyabr'. Pp. 232-283. [in Russian]

Mify..., 1988 – Mify narodov mira [Myths of the world's peoples]. Entsiklopediya (V 2 tomakh). Gl. red. S.A. Tokarev. M.: «Sovetskaya Entsiklopediya», 1988. T. 2. K–Ya. 719 p. [in Russian]

Mikhailin, 2005 – *Mikhailin, V.Yu.* (2005). Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno-orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeskoï traditsii [The Animal Word Trail: Spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 540 p. [in Russian]

- Perevodchikova, 1994** – *Perevodchikova, E.V.* (1994). Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi [The language of animal imagery: Sketches of the art of the Eurasian steppes of the Scythian era]. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 206 p. [in Russian]
- Polos'mak, 2000** – *Polos'mak, N.V.* (2000). Bal'zamirovanie u pazyryktsev Ukoka [Embalming by the Pazyryk people of the Ukok]. Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya. Sb. statei. M.: Institut arkheologii RAN, 318 p. [in Russian]
- Polos'mak, 2001** – *Polos'mak, N.V.* (2001). Vsadniki Ukoka [Riders of the Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 336 p. [in Russian]
- Polos'mak, 1994** – *Polos'mak, N.V.* (1994). «Stere-gushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany) [«Gold-stealing vultures» (ak-alakhinskiye mounds)]. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma, 125 p. [in Russian]
- Polos'mak, Barkova, 2005** – *Polos'mak, N.V., Barkova, L.L.* (2005). Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n. e.) [Costume and textiles of the Pazyryk people of the Altai (4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO, 232 p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri (stranitsy dnevnika) [From Siberia (diary pages)]. [Per. s nem]. [Primech. i poslesl. S.I. Vainshteina; AN SSSR, In-t etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya]. M.: Nauka, 749 p. [in Russian]
- Radlov, 1894** – *Radlov, V.V.* (1894). Sibirskie drevnosti. Iz putevykh zapisok V.V. Radlova [Siberian antiquities. From the travel notes of V.V. Radlov. Radloff]: (Perevod s nemetskogo). *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya.* T. VII, vyp. 3–4. SPb.: [B. i.]. Pp. 186–188. [in Russian]
- Rudenko, 1953** – *Rudenko, S.I.* (1953). Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the population of the Altai Mountains in Scythian times]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 402 p. [in Russian]
- Rudenko, 1960** – *Rudenko, S.I.* (1960). Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the Central Altai population in Scythian times]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 359 p. [in Russian]
- Ryazantsev, 1994** – *Ryazantsev, S.* (1994). Filosofiya smerti [Philosophy of death]. SPb.: SPIKS, 320 p. [in Russian]
- Savinov, 1995** – *Savinov, D.G.* (1995). O ritual'nom naznachении pogrebal'nykh kamer bol'shikh Pazyrykskikh kurganov [On the ritual purpose of the burial chambers of the great Pazyryk barrows]. *Sakral'noe v kul'ture. Materialy III mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh religiovedcheskikh chtenii.* Noyabr'. SPb.: [B.i.]. Pp. 6–8. [in Russian]
- Sorokin, 1978** – *Sorokin, S.S.* (1978). Otrazhenie mirovozzreniya rannikh kochevnikov Altaya [Reflection of the worldview of the early nomads of the Altai]. Kul'tura Vostoka: Drevnost' i rannee srednevekov'e. L.: Avrora. Pp. 172–191. [in Russian]
- Spasskii, 1857** – *Spasskii, G.I.* (1857). O dostoprimechatel'neishikh pamyatnikakh sibirskikh drevnostei i skhodstve nekotorykh iz nikh s velikorusskimi [On the most remarkable monuments of Siberian antiquities and the resemblance of some of them to Great Russian ones]. 8 razv. 1. il. Ott. Iz Zapisok imp. Russkogo Geograficheskogo o-va, kn. 12. SPb.: [B.I.], 1857. Pp. 113–181. [in Russian]
- Spasskii, 1817** – *Spasskii, G.I.* (1817). O sibirskikh drevnikh kurganakh (Chitano v sobranii S.P.burgskogo Vol'nago obshchestva lyubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv 13 sentyabrya 1817) [On Siberian ancient mounds]. (Ott. Iz zhurn. Syn Otechestva, 1817. Ch. 41, № 39. Pp. 9–22. [in Russian]
- Surazakov, 1987** – *Surazakov, A.S.* (1987). O nekotorykh svyazannykh s oruzhiem obrazakh pazyrykskogo iskusstva [On some weapon-related images of Pazyryk art]. Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii. Novosibirsk. Pp. 53–59. [in Russian]
- Tresidder, 1999** – *Tresidder, Dzh.* (1999). Slovar' simvolov [Glossary of symbols]. Per. s angl. S. Pal'ko. M.: FAIR-PRESS, 448 p. [in Russian]
- Tul'tseva, 1998** – *Tul'tseva, L.* (1998). Sem' svechei «Utra streletskoi kazni» » [Seven candles of Morning of the Streletsky Execution]. Rodina: Ezhemes. obshchestv.-polit., nauch.-popul. il. zhurn. M.: Pravda. 2: 84–87. [in Russian]
- Uotson, 1991** – *Uotson, L.* (1991). Oshibka Romeo [Romeo's mistake]. Zhizn' zemnaya i posleduyushchaya. Sost. P.S. Gurevich, S.Ya. Levit: Per. s angl. M.: Politizdat. Pp. 207–375. [in Russian]
- Shul'ga, 1999** – *Shul'ga, E.N.* (1999). Ideya smerti v miroponimaniy russkogo naroda [The idea of death in the worldview of the Russian people]. Ideya smerti v rossiiskom mentalitete. Pod red. Yu.V. Khen. SPb.: RKhGI. Pp. 217–238. [in Russian]
- Shul'ga, 2003** – *Shul'ga P.I.* (2003). Arkhitektura i semantika pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov pazyrykskoi kul'tury [Architecture and semantics of burial and memorial complexes of the Pazyryk culture]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova.* Kn. 2. SPb., Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. S. 191–194.
- Shchebrova, 2019** – *Shchebrova, S.Ya.* (2019). Razmyshleniya o fenomene «zverinogo stilya» drevnikh kochevnikov Altaya [Reflections on the "animal style" phenomenon of the ancient nomads of the Altai].

Perspektivy istoricheskoi i regional'noi kulturologii v sovremennoi Rossii: Sbornik nauchnykh statei. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. pp. 181-198. [in Russian]

[Entsiklopediya simvolov, 2002](#) – Encyclopaedia of symbols, signs, emblems. Avt.-sost. V. Andreeva i dr. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: MIF: OOO «Izdatel'stvo AST». 2002. 556 p. [in Russian]

[Yung, 2018](#) – *Yung, K.G.* (2018). Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevicha. Moscow: Kanon+. 336 p. [in Russian]

Идея жизнь/смерть в аксиосфере древних кочевников Алтая

Светлана Яковлевна Щеброва ^{a, *}

^a Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Переход к кочевому скотоводству, связанный с освоением верховой езды, начался на территории Евразии в I тыс. до н.э. Это привело не только к хозяйственно-культурным и социально-политическим связям кочевников Евразии с народами Древнего Востока, Восточного Средиземноморья, Передней и Средней Азии, но и к необходимости защиты скота как «легко отчуждаемого богатства» (Ф. Энгельс). В итоге была выработана сложная технология кочевого хозяйства, ценность которого репрезентировало искусство «звериного стиля» – особая знаковая система, выражающая идеологию кочевников. Наиболее полно знаковая система сохранилась в курганах пазырыкской культуры: «царских» курганах Туэжты, Башадара, Пазырыка, элитных курганах Укока и курганах рядовых кочевников Сайлогема, Уландрыка и Юстыда. Поскольку погребальный ритуал на символическом уровне обеспечивает последующее возрождение, актуально исследование археологических источников Горного Алтая как текста, воплощающего социально значимую информацию. Ансамбль знаковых средств, расположенных на поверхности артефактов, связанных со всей сферой жизнедеятельности кочевников, представлен такими концептами, как «курган», «колода-саркофаг», «оружие», «костюм», «татуировка тел», «конский убор». В соответствии с накопленным опытом социального взаимодействия в аксиосфере пазырыкской культуры сформировались две основные смысловые системы: «жизнь» и «смерть», на основе которых человек понимал возможности своей деятельности в системе кочевого общества. Тема жизни и смерти возникла в ходе наблюдений за природно-климатическими условиями, где уничтожение, исчезновение является благостным состоянием, после которого жизненный цикл возобновляется. В ходе семиотического анализа системы статусной маркировки всадника, его оружия и коня, именуемой скифским «звериным стилем», была определена взаимосвязь с ключевым во всей индоевропейской и индоиранской ритуалистике понятием «фарн». Это понятие символизирует воинскую удачу, долю, судьбу и является ценностно-мотивационным ядром пазырыкской культуры.

Ключевые слова: аксиосфера, Горный Алтай, пазырыкская культура, звериный стиль, жизнь, смерть, этнософия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svetlanaschebrova@herzen.spb.ru (С.Я. Щеброва)